

снабжен примечанием «2^{*}» — следовательно, мы имеем дело не только со стихотворным рефреном, но с припевом.

Текст скоморошины несомненно входил первоначально в состав обширного песенника: он предваряется цифрой «122», проставленной тем же почерком, что и цифры перед каждой строфой, а следующие за ним русские транслитерации польских песен (листы в рукописи переставлены в обратном порядке) «В садечку была, рвала ягоды» и «Ой, приехав жовнер до жида» — цифрами «123» и «124». Публикуемый памятник, попавший в письменность в начале XVIII в. (так датируется та часть рукописи, где читается скоморошина), где-то в середине этого столетия подвергся редакторской правке (почерк помет и добавлений характерен именно для этой поры).

Неизвестный редактор, во-первых, устранил ошибку, вкравшуюся в 6-ю строфу: первоначально здесь, по аналогии со строфой 5-й, второй стих оканчивался словом «знаку»; редактор заменил его словом «моху», восстановив, таким образом, обязательную рифму (гороху — моху). Затем во втором стихе 4-й строфы был добавлен предлог «с» («з»), и это добавление, пожалуй, придало тексту более определенный смысл. Редакторская правка коснулась и композиции скоморошины — строфы 8-я и 9-я поменялись местами. Наконец, была введена добавочная строфа, 10-я (она приписана в конце памятника). Таким образом, порядок строф в первоначальной редакции был следующим: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 8, 11, 12.

Конечно, эту правку вовсе не обязательно комментировать как влияние индивидуального творчества, как «личное» вмешательство неизвестного автора в готовую запись. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с вариантным текстом (кто-то из читателей сборника счел необходимым дополнить и изменить скоморошину, поскольку слышал ее в ином варианте).

Рукопись, в которой содержится игровая песня о чернице, поражает разнообразием состава (см. описание). Однако именно это разнообразие наводит на мысль, что перед нами — часть дворянского архива, где скапливались самые разнохарактерные бумаги различного времени (от крестьянской челобитной до сатирических стихов о Наполеоне, от рецептов до рыцарских романов, от частных писем до анекдотов о Суворове). Запись на л. 22 об. этому предположению не противоречит, хотя она и ориентирует нас на другую социальную среду («Сия книга канцеляриста Семена Васильева, сына Веденского»). Дело в том, что это указание распространяется лишь на лл. 21—30 об., исписанные одним почерком и представляющие, судя по старой фолиации, часть отдельной книги, сохранившей Повесть о 12 снах Шахайши, Космографию, Тропник и какие-то другие произведения.

вечного веселия» (лл. 79 об.—84); рифмованные загадки, пометы типа пробы пера и т. п., второй половины XVIII в. (лл. 86—86 об.); слово о душе (начало не сохранилось), конца XVIII в. (лл. 87—91); «О помраченном пьянстве» (лл. 91 об.—93 об.); «Бонапарте и эхо» (нач.: «Кого боятся *так!* мне, когда нет прусаков? — Русаков»), первой четверти XIX в. (л. 94); эпитафия Потемкину, конца XVIII—начала XIX в. (л. 95); «Стихи на утешение оскорбленного духом» (нач.: «Ко господу утех я паки обращаюсь»), начала XIX в. (лл. 96—96 об.); «Надгробная князю Итальянскому г[рафу] С[уворову] Р[ымникскому]» (нач.: «Остановись, прохожий! Здесь человек лежит, на смертных не похожий»), начала XIX в. (л. 97); «Собрание писем князя Итальянского... к дочери его графине Наталье Александровне, отчасти когда она была еще в Смольном монастыре, частью же в супружестве за графом Николаем Александровичем Зубовым» (лл. 98—101 об.); «Вахт-парад графа Суворова, 1795», анекдоты о нем и т. п. (лл. 101 об.—113 об.); письмо из Вологды (просьба походатайствовать о месте), 1801 г. (л. 114).